

Концепция «разделяемой ответственности» в решениях международных судебных учреждений

Алесь Ключа*

В статье рассматриваются вопросы международно-правовой обоснованности и практической значимости концепции «разделяемой ответственности», призванной разрешить проблему призвания к ответственности нескольких субъектов международных отношений, согласованно действующих в нарушение норм международного права. В этих целях в статье проводится анализ современных тенденций развития института призвания к международной ответственности в свете решений международных судебных учреждений.

→ *Международно-правовая ответственность, Комиссия международного права ООН, концепция «разделяемой ответственности», Международный Суд ООН, Европейский Суд по правам человека*

Введение

Международное сообщество и международный правопорядок за последние десятилетия претерпели очень серьёзные изменения. Учитывая факт плотного взаимодействия различных участников международных отношений, необходимо отметить возрастающее число случаев возникновения вредных последствий международно-противоправных деяний и действий, не запрещённых международным правом, которые в значительной степени являются следствием согласования волей государств, международных организаций и ряда других акторов. Так, например, при проведении многонациональных военных операций в рамках реализации экстерриториальной миграционной политики, при совершении действий, результатом которых является глобальное изменение климата или трансграничный экологический ущерб, ответственность может

быть разделена между несколькими субъектами международных отношений.

В свете решений национальных судебных органов и международных судебных учреждений следует отметить, что вклад прецедентного права в разрешение данной проблемы существенно ограничен их юрисдикционными полномочиями. Доктрина международного права уходит от однозначного ответа на вопрос об обстоятельствах и последствиях множественной ответственности различных участников международных отношений. Однако нельзя отрицать, что и на основе доктрины можно разработать концептуальные основы для разрешения ситуации, в которой два или более государств, международных организаций или других акторов будут нести ответственность за действие или бездействие, в результате которого будет причинён вред третьей стороне¹.

Чтобы решить проблему ответственности нескольких участников международных отно-

* Ключа Алесь Юрьевич — аспирант кафедры международного права РУДН, стажёр адвоката Адвокатского кабинета № 1526 «Адвокатская контора Павла Ламброва» (e-mail: klunya.alesj@gmail.com).

¹ Nollkaemper A. and Jacobs D. Shared Responsibility in International Law: A Conceptual Framework // University of Amsterdam — Amsterdam Center for International Law 2011. Revised May 2012. Michigan Journal of International Law. P. 137.

шений, согласованно действующих в нарушение норм международного права, можно ориентироваться на правила, установленные рекомендательными нормами международного права, включая Проект статей КМП ООН «Ответственность международных организаций», принятый Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 66/100 от 9 декабря 2011 года, Проект статей КМП ООН «Ответственность государств за международно-противоправные деяния», принятый Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 56/589 от 12 декабря 2001 года, а также Проект статей КМП ООН «Распределение убытков в случае трансграничного вреда, причинённого в результате опасных видов деятельности», принятый Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 61/36 от 4 декабря 2006 года.

Правовая концепция ответственности международных межправительственных организаций в значительной степени совпадает с концепцией ответственности государств за международные противоправные деяния, что проявляется, в том числе, в соответствии положений проекта статей «Ответственность международных организаций» положениям проекта статей «Ответственность государств за международные противоправные деяния». Однако между двумя проектами существуют и определённые различия, составляющие предмет доктринальных споров. Необходимо также отметить, что институт ответственности международных межправительственных организаций, имея сложную внутреннюю структуру, носит самостоятельный характер по отношению к ответственности государств за международные противоправные деяния, обладает собственной правовой природой. Вместе с тем нельзя не отметить, что в теорию ответственности международных организаций заложена концепция ответственности государств, поэтому вопросы распределения ответственности между государствами и международными организациями рассматриваются в данной статье по общим правилам, применимым к множественности как ответственных государств, так и ответственных организаций².

Кроме того, следует принять во внимание решения и процессуальные правила между-

народных судов и трибуналов, при разрешении споров в которых позиции спорящих сторон в контексте аспектов ответственности нескольких субъектов международных отношений в ряде случаев выходят за рамки двустороннего спора при рассмотрении того или иного дела. Необходимо также учитывать и широкий спектр случаев, в которых акторы могут быть привлечены к ответственности за участие в противоправном деянии, но действия которых не могут быть квалифицированы в рамках принятой КМП ООН концепции ответственности за международно-противоправные деяния государств и международных организаций и не могут рассматриваться в рамках международных судов и трибуналов. Для разрешения этой проблемы следует рассматривать такие противоправные деяния в их взаимосвязи, а не изолированно друг от друга. Любой из аспектов определения такой ответственности поднимает вопрос о том, как и на основе каких критериев может распределяться ответственность нескольких акторов за нарушение норм международного права. В целях решения проблемы распределения ответственности между несколькими субъектами международных отношений следует в первую очередь ответить на вопрос о том, какие уже существующие механизмы международного права могут быть сегодня задействованы в целях поддержания международного правопорядка и какие нормы права международной ответственности нуждаются в дальнейшей разработке³.

Содержание концепции «разделяемой ответственности»

Принципы, на основе которых строится право международной ответственности, по мнению известного английского юриста-международника Яна Броунли, не решают вопроса о том, кто из многочисленных акторов, как и в какой мере призван нести ответственность за одно и то же международно-противоправное деяние или за вредные последствия действия, не запрещённого международным правом⁴. Ещё в 1988 году Дж. Е. Нойз и Б. Д. Смит указывали на необходимость раз-

² Солнцев А. М., Ключа А. Ю. Вопросы развития института ответственности международных организаций // Вестник международных организаций. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013. № 2. С. 133.

³ Солнцев А. М., Ключа А. Ю. Указ. соч. С. 130–142.

⁴ Brownlie I. Principles of Public International Law. 7th edition. Oxford University Press, 2008. P. 457

вития и разработки принципов множественной ответственности субъектов международных отношений⁵.

Основной аргумент сторонников концепции так называемой «разделяемой ответственности» состоит в том, что существующее право международной ответственности сосредоточено на проблеме ответственности государства и международных организаций отдельно, а не во взаимосвязи и взаимозависимости ответственности различных участников международных отношений. Понятие «разделяемой ответственности» используется её разработчиками в целях обозначения ответственности нескольких субъектов международных отношений, в первую очередь государств и международных организаций, за одно и то же международно-правовое деяние. Для решения этой проблемы необходимо, по их мнению, учесть целостный характер системы права международной ответственности, что позволит разработать концептуальные и нормативные механизмы распределения ответственности между несколькими субъектами международных отношений, вне зависимости от их правовой природы и заинтересованности в том или ином вопросе⁶.

По мнению сторонников концепции «разделяемой ответственности», учитывая, что формальное и чёткое разделение национального и международного правопорядков всё чаще оспаривается, следует подчеркнуть роль индивида в международных правоотношениях, который, по мнению ряда юристов-международников, является субъектом международного права, что объясняется возможностью привлечения физических лиц к международной уголовной ответственности, а также обращением индивида в международные органы и международные судебные учреждения за защитой своих прав. В ряде государств национальные суды выносят решения по искам, содержащим ссылки на нарушение норм международного права, причём число таких решений значительно превосходит количество решений, вынесенных международными су-

дебными учреждениями. При этом, по мнению авторов концепции, на институциональном уровне национальные суды могут рассматриваться как часть комплексной системы вынесения судебных решений в области международного права, что, в частности, проявляется в реализации теории «функционального дуализма» Джорджа Селля, в соответствии с которой национальные институты выступают в качестве агентов международного правопорядка⁷.

Здесь следует заметить, что в данном случае ссылка авторов концепции разделяемой ответственности на теорию «функционального дуализма» Селля опирается в тот факт, что вышеупомянутая теория была разработана ещё в 1930 году в отсутствие достаточно развитой институциональной структуры международных отношений, когда обеспечение эффективного применения международного права зависело от соответствующей компетенции государственных органов и институтов при выполнении возложенных на них задач по соблюдению международно-правовых норм. Более того, как справедливо отмечает Пьер-Мари Дюпюи, именно деятельность Организации Объединённых Наций по выполнению возложенных на неё задач с учётом сложной многоуровневой структуры её специализированных учреждений сегодня сама по себе является индикатором эффективности применения норм международного права, в отличие от Лиги Наций, в период существования которой и была разработана теория «функционального дуализма»⁸.

Концепция «разделяемой ответственности» и решения международных судебных учреждений

Проблема распределения ответственности в международном праве не нова. Международный Суд ООН не раз затрагивал вопросы ответственности нескольких субъектов международного права в рамках одного дела. Так,

⁵ *Noyes J.E. and Smith B.D.* State Responsibility and the Principle of Joint and Several Liability // *Yale Journal of International Law* 13(2). 1988. P.225.

⁶ *Nollkaemper A. and Jacobs D.* Op. cit. P.138.

⁷ *Cassese A.* Remarks on Scelle's Theory of "Role Splitting" (dédoulement fonctionnel) in *International Law* // *European Journal of International Law*. 1990. P.210.

⁸ *Dupuy P.-M.* The Unity of Application of International Law at the Global Level and the Responsibility of Judges // *European Journal of Legal Studies*. Vol. 1. No. 2. P.4.

например, в деле *О проливе Корфу* он удовлетворил иск против Албании за её неспособность предупредить Соединённое Королевство о наличии мин, учитывая при этом, что и Югославия, по крайней мере, способствовала причинению вреда Соединённому Королевству, так как именно она заложила мины в албанские воды⁹. Другими примерами могут служить такие дела, как дело *О фосфатах Науру* (возможная разделяемая ответственность Австралии, Новой Зеландии и Великобритании за неправильное управление ресурсами Науру)¹⁰; дело *О Восточном Тиморе* (возможная разделяемая ответственность Австралии и Индонезии за нарушение права на самоопределение народа Восточного Тимора)¹¹; а также ряд дел *О правомерности применения силы против Югославии* (возможная разделяемая ответственность государств — членов НАТО за применение военной силы на территории бывшей Югославии в ответ на события в Косово)¹².

Европейский Суд по правам человека также в ряде своих решений указывал на вопросы, связанные с разделяемой ответственностью¹³. Примером может служить дело *Илашку* 2004 года, в котором рассматривалась проблема присвоения ответственности России и/или Молдавии за нарушение европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод при осуществлении контроля над территорией автономной области Приднестровье¹⁴. В 2011 году ЕСПЧ также признал ответственность Бельгии и Греции за международно-противоправные деяния в отношении беженцев, установив, что Греция ответственна за неправомерное обращение с лицом, ищущим убежища, а Бельгия за отправку этого же лица обратно в Грецию, учитывая при этом потенциальную возмож-

ность жестокого обращения с ним в этом государстве¹⁵.

Как справедливо указывают Ноелькампер и Якобс, именно на основе прецедентного права Комиссией международного права ООН были определены некоторые принципы, которые имеют непосредственное отношение к вопросам распределения ответственности между несколькими субъектами международного права¹⁶. Так, оба проекта статей об ответственности государств и международных организаций закрепляют принцип «соучастия» — ответственность государства и международной организации, способствующих совершению международно-противоправного деяния каким-либо государством/международной организацией в отношении другого государства/международной организации, а также ответственность каждого из государств за одно и то же международно-противоправное деяние¹⁷.

В тех случаях, когда государство не несёт ответственность за свои собственные действия, но призывается к ответственности в связи с противоправным деянием другого государства, возникает вопрос о том, исключает ли ответственность такого государства ответственность государства, за противоправное деяние которого субъект международного права уже призван к ответственности. По мнению специального докладчика КМП ООН Роберто Аго, на этот вопрос следует ответить утвердительно¹⁸. На наш взгляд, ответ на этот вопрос до сих пор остаётся спорным. Например, в случае, когда какое-либо государство осуществляет руководство и контроль в отношении другого государства, основной проблемой может стать вопрос о том, несёт ли ответственность исключительно то государство, которое осуществляет руководство и

⁹ International Court of Justice. *Corfu Channel (United Kingdom v. Albania)*. Judgment of 9 April 1949 // I.C.J. Reports. 1949. P.77.

¹⁰ International Court of Justice. *Certain Phosphate Lands in Nauru (Nauru v. Australia)*. Judgment of 26 June 1992 // I.C.J. Reports 1992. P.240.

¹¹ International Court of Justice. *East Timor (Portugal v. Australia)*. Judgment of 30 June 1995 // I.C.J. Reports 1995. P.90

¹² International Court of Justice. *Legality of the Use of Force (Yugoslavia v. United States of America)*. Provisional Measures. Order of 2 June 1999 // I.C.J. Reports 1999. P.916.

¹³ *Heijer M.* Issues of Shared Responsibility before the European Court of Human Rights // Amsterdam Center for International Law. Research Paper. 2012. P.49.

¹⁴ European Court of Human Rights. *Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia* [GC]. No. 48787/99, 2004-VII.

¹⁵ European Court of Human Rights. *M.S.S. v. Belgium and Greece* [GC]. No. 30696/09, 2011.

¹⁶ *Nollkaemper A. and Jacobs D.* Op. cit. P.32–33.

¹⁷ Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries. ILC. Un. Doc. 2001; Draft Articles on the responsibility of international organization. ILC. Un. Doc. 2009.

¹⁸ *Ago R.* Special Rapporteur, Eighth Report on State Responsibility, 31st session (1979). UN Doc A/CN.4/318 and Add. 1–4 (F). § 45.

контроль, или ответственность будут нести одновременно два государства.

По мнению К. Доминици, ответственность несёт либо государство, осуществляющее руководство и контроль над государством, совершившим международно-противоправное деяние, либо то государство, которое хотя и находится под руководством и контролем другого государства, но обладает такой степенью независимости и свободы при совершении каких-либо действий, которая позволила бы ему совершить международно-противоправное деяние¹⁹. Далее он отмечает, что простого побуждения государством к совершению другим государством международно-противоправного деяния как такового ещё недостаточно для призвания такого государства к ответственности. Аналогичным образом, в случае принуждения государства к совершению международно-противоправного деяния другим государством ответственность будет нести только государство, принуждающее к совершению такого международно-противоправного деяния, даже если государство, которое принуждают к совершению противоправного деяния, и обладает определённой степенью независимости и свободы, что в свою очередь не является для принуждающего к совершению противоправного деяния государства оправданием для исключения его международно-правовой ответственности²⁰.

КМП ООН решила не следовать подходу специального докладчика Роберто Аго, тем не менее как Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (ст. 19), так и Проект статей об ответственности международных организаций (ст. 19, 63) КМП ООН содержат положения о том, что ответственность государства или международной организации за совершение международно-противоправного деяния в результате осуществления ими руководства и контроля в отношении другого субъекта международного права, а также ответвен-

ность международной организации за международно-противоправные деяния, которые были санкционированы самой международной организацией в обход своих международно-правовых обязательств, не исключает ответственности других государств или международных организаций²¹. Тем не менее в практике данные вопросы встречаются довольно редко, а правила распределения ответственности между субъектами за международно-противоправные деяния, а также за ущерб, причинённый в результате совершения действий, не запрещённых международным правом, чётко не определены.

Однако международные судебные учреждения при решении вопроса о распределении ответственности между различными субъектами международного права, как правило, опирались на принципы независимости и самостоятельности ответственности. Так, например, в деле *О проливе Корфу*²² и в деле *О фосфатах Науру*²³ Международный Суд ООН опирался на принцип независимости действий при совершении международно-противоправных деяний.

Сторонники концепции «разделяемой ответственности» в качестве примера призвания государства к ответственности за действия, которое оно само не совершало, указывают на возможность присвоения противоправных деяний физических лиц государством. В своём решении по делу *О применении Конвенции о предотвращении преступления геноцида и наказании за него* Международный Суд ООН указал: «...“общий контроль” имеет существенный недостаток, расширяя сферу охвата ответственности государств, — он выходит за рамки фундаментального принципа, регулирующего право международной ответственности: государство несёт ответственность только лишь за своё собственное поведение, то есть за поведение лиц, действующих от его имени. “Общий контроль” неприменим, ибо он выходит далеко за пределы

¹⁹ C. Dominicé. Attribution of Conduct to Multiple States and the Implication of a State in the Act of Another State in The Law of International Responsibility // The Law of International Responsibility / Edited by J. Crawford, A. Pellet and S. Olleson. Oxford University Press, 2010. P. 288.

²⁰ Fry J.D. Coercion, Causation, and the Fictional Elements of Indirect State Responsibility. Vanderbilt Journal of Transnational Law 40(3). 2007. P. 611–639.

²¹ Nollkaemper A. and Jacobs D. Op. cit. P. 45.

²² International Court of Justice. *Corfu Channel (United Kingdom v. Albania)*. Judgment of 9 April 1949 // I.C.J. Reports. 1949. P. 77.

²³ International Court of Justice. *Certain Phosphate Lands in Nauru (Nauru v. Australia)*. Judgment of 26 June 1992 // I.C.J. Reports 1992. P. 240.

той связи, которая должна существовать между поведением органов государства и его международно-правовой ответственностью»²⁴. Концепция «общего контроля» как в доктрине современного международного права, так и в решениях международных судебных учреждений, как правило, противопоставляется концепции «эффективного контроля», которая в определённой степени исключает возможность присвоения субъекту международного права поведения индивида, органа государства, какого-либо отдельного государства или международной организации в силу наличия лишь формального контроля за поведением актора, действующего в нарушение норм международного права.

Так, в частности, вопрос об осуществлении международной организацией руководства и контроля над государством или другой международной организацией, совершившими международное противоправное деяние, был рассмотрен Европейским Судом по правам человека (ЕСПЧ) в делах *Бехрами против Франции и Сарамати против Франции, Германии и Норвегии*²⁵. Оба дела касались проблемы поведения военнослужащих, переданных в распоряжение Миссии ООН по делам временной администрации в Косово (МООНК), и вооружённых сил, ответственных за обеспечение стабильности в Косово под руководством НАТО — Сил для Косова (СДК), действовавших в соответствии с Резолюцией Совета Безопасности ООН 1244. Суд при определении своей юрисдикции в данных делах, учитывая эффективность или единство командования НАТО в оперативных вопросах в отношении Сил для Косова и ссылаясь на текущую работу КМП ООН в отношении критерия «эффективного контроля», пришёл к выводу, что СДК осуществляли законно делегированные, согласно главе VII Устава ООН, полномочия Совета Безопасности и что в принципе вменяемые действия могут быть «присвоены» ООН по

смыслу формулировки, изложенной в общем виде в проекте статей «Ответственность международных организаций».

Вопрос о поведении органов государства или агентов международной организации, предоставленных в распоряжение другой международной организации, был также затронут Европейским Судом по правам человека в делах *Касумай против Греции*²⁶ и *Гаджич против Германии*²⁷, которые касались поведения национальных контингентов, переданных ООН в распоряжение СДК, а также в деле *Берича и других против Боснии и Герцеговины*²⁸ относительно поведения Высокого представителя в Боснии и Герцеговине. Во всех вышеупомянутых делах ЕСПЧ придерживался позиции, отражённой им в решении по делу *Бехрами и Сарамати*.

Проблемы присвоения поведения Европейский Суд по правам человека коснулся и в деле, связанном с содержанием под стражей физического лица британскими военнослужащими в Ираке *аль-Джедда против Соединённого Королевства* и др.²⁹ В деле рассматривался вопрос о содержании под стражей бывшего иракского баскетболиста Хилала Абдула Раззака Али Аль-Джедда, который, отказавшись исполнять решение политической партии Ва'аth, покинул Ирак в 1978 году. Приехав в 1992 году в Соединённое Королевство, он попросил убежища, в результате чего ему было предоставлено бессрочное разрешение на проживание, и в июне 2000 года он получил британское гражданство. В сентябре 2004 года господин Аль-Джедда с четырьмя его старшими сыновьями летел из Лондона в Ирак через Дубай, где его арестовали и допросили представители ОАЭ, отпустив через 12 часов после ареста. 10 октября Аль-Джедда вновь был арестован, на этот раз солдатами армии США в Багдаде, военным самолётом перевезён в Басру и доставлен в Центр предварительного заключения, находившийся в ведении британских

²⁴ *Dahlhof G.* International Court of Justice, Digest of Judgments and Advisory Opinions, Canon and Case Law. 1946–2012. Koninklijke Brill NV, Leiden, Netherlands. Hotei Publishing. 2012. P.1807.

²⁵ European Court of Human Rights. Decision (Grand Chamber) of 2 May 2007 on the admissibility of applications. No. 71412/01 and No. 78166/01.

²⁶ European Court of Human Rights. Decision of 5 July 2007 on the admissibility of application No. 6974/05.

²⁷ European Court of Human Rights. Decision of 28 August 2007 on the admissibility of application No. 31446/02.

²⁸ *European Court of Human Rights.* Decision of 16 October 2007 on the admissibility of applications Nos. 36357/04, 36360/04, 38346/04, 41705/04, 45190/04, 45578/04, 45579/04, 45580/04, 91/05, 97/05, 100/05, 1121/05, 1123/05, 1125/05, 1129/05, 1132/05, 1133/05, 1169/05, 1172/05, 1175/05, 1177/05, 1180/05, 1185/05, 1185/05, 20793/05, 25496/05.

²⁹ European Court of Human Rights. Decision of 7 July 2011. No. 27021/08.

сил. Аль-Джедда пробыл там более трёх лет. По просьбе Иракского временного правительства и с разрешения Совета Безопасности ООН в Ираке находились интернациональные силы, в том числе и британские. Интернирование господина Аль-Джедда было продолжено властями Соединённого Королевства по соображениям безопасности в Ираке. Предполагалось, что господин Аль-Джедда несёт ответственность за вербовку террористов за пределами Ирака для осуществления терактов в стране. Его также обвиняли в сговоре и оказании помощи эксперту по взрывчатым веществам при въезде в Ирак, в связях с членами одной из ячеек исламистской террористической организации в целях ввоза контрабандой в Ирак высокотехнологичного взрывного оборудования для последующего использования для атак против сил коалиции. 8 июня 2005 года господин Аль-Джедда попытался оспорить законность содержания его под стражей и отказ Британского правительства вернуть его в Соединённое Королевство. 17 декабря 2007 года Палата лордов Соединённого Королевства указала, что за интернирование Аль-Джедда ответственно Соединённое Королевство, а не Организация Объединённых Наций, подчеркнув, однако, что по решению Совета Безопасности ООН Соединённое Королевство обязано интернировать лиц, представляющих угрозу безопасности Ирака, а в соответствии со статьёй 103 Устава ООН обязательства перед СБ ООН имеют преимущество перед обязательствами Соединённого Королевства по Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая закрепляет обязательство государств не содержать никого под стражей без предъявления обвинения. 14 декабря 2007 года по решению министра внутренних дел Великобритании Аль-Джедда был лишён британского гражданства, в том числе и в связи с тем, что имел связи с террористическими исламистскими организациями в Ираке и за его пределами.

Европейский Суд по правам человека, единогласно не согласившись с позицией Великобритании относительно того, что интернирование было осуществлено ООН, а не Соединённым Королевством, ибо в период вторжения в Ирак в марте 2003 года ни одна из резолюций СБ ООН не закрепляла положения о распределении ролей в Ираке в слу-

чае смещения действующего режима власти, указал, что обеспечение безопасности в Ираке осуществлялось США совместно с Соединённым Королевством, в то время как ООН обеспечивала оказание гуманитарной помощи и содействовала созданию временного правительства. В отсутствие эффективного контроля со стороны СБ ООН над вооружёнными силами интернирование Аль-Джедда не имеет отношения к действиям ООН в Ираке. Отклонив аргумент Соединённого Королевства относительно возложения Резолюцией СБ ООН 1546 обязательства осуществлять интернирование в Ираке, ЕСПЧ отметил, что ввиду статьи 24(2) Устава ООН Совет Безопасности обязан действовать в соответствии с целями и принципами Устава и не возлагать на страны — члены ООН обязательства, исполнение которых может привести к нарушению принципа соблюдения прав человека. Суд указал, что соответствующая резолюция прямо не закрепляла возможность осуществления интернирования, когда уполномочивала войска «предпринимать все необходимые меры для поддержания безопасности и стабильности в Ираке». Резолюция СБ ООН 1546 в преамбуле заключала положение о том, что все силы обязаны действовать с соблюдением международного права, а Конвенция о правах человека является частью этого права. По мнению Суда, Резолюция 1546 уполномочила Великобританию предпринимать меры для поддержания безопасности и стабильности в Ираке, но не интернировать кого-либо без обвинения. Суд отметил, что события, о которых в деле идёт речь, происходили в месте лишения свободы, подконтрольном исключительно британским войскам, поэтому Соединённое Королевство ответственно за интернирование Аль-Джедда ввиду отсутствия эффективного контроля со стороны ООН.

В заключение отметим, что при совместных операциях по поддержанию мира ответственность за действия военного контингента лежит на той стороне, которая осуществляет оперативное командование и управление согласно договорённостям, определяющим условия сотрудничества между организацией и государством, предоставляющим войска. Таким образом, ответственность в каждом конкретном случае будет определяться в зависимости от степени эффективного контроля,

осуществляемого каждой из сторон при проведении соответствующей операции³⁰.

Точно так же, как государство не полагает возможным нести ответственность за противоправные действия лиц, в отношении которых оно не осуществляет «эффективного контроля», так оно считает и неприемлемым нести ответственность за противоправные действия других государств на основе лишь простого взаимодействия с ними.

Сторонники концепции «разделяемой ответственности» при обосновании природы принципов призвания к ответственности сопоставляют её (природу) с деятельностью международных уголовных трибуналов, которые наделены полномочиями призвания к ответственности индивидов вне зависимости от их согласия, минуя конструктивные пределы межгосударственных двусторонних судебных разбирательств. Кроме того, по их мнению, данные трибуналы разработали такие понятия, как совместная преступная деятельность, что предполагает возможность призвания индивидов к ответственности за действия, с которыми они, в определённых случаях, связаны лишь косвенно³¹. Вместе с тем такие трибуналы имеют возможность объединять несколько обвинений, связанных между собой каким-либо международным противоправным деянием. Принципиально иная позиция международных судебных учреждений, юрисдикция которых распространяется на государства, препятствует возможности объединения нескольких исков против субъектов международного права в одном судебном разбирательстве или, по крайней мере, объединении их в несколько взаимосвязанных между собой судебных процессов.

Тем не менее следует отметить, что сложившаяся ситуация невозможности объединения международными судебными учреждениями нескольких взаимосвязанных дел в одном судебном разбирательстве проявляется в деятельности не всех международных судебных учреждений. Так, в частности, обязательная юрисдикция Европейского Суда по правам человека позволяет ему рассматри-

вать иски против нескольких ответчиков в рамках одного дела³². Вместе с тем вышеописанная логика являлась бы актуальной в тех случаях, когда при разрешении двустороннего спора в рамках международных судебных учреждений возникает вопрос об интересах третьей стороны, которой может являться государство. В делах о выдаче или экстрадиции Европейский Суд часто подчёркивал, что установление ответственности выселяющего государства «неизбежно включает в себя оценку условий в запрашиваемом государстве в соответствии со статьёй 3 Конвенции».

В некоторых случаях определённые международные противоправные деяния или действия, не запрещённые международным правом, но повлёкшие за собой ущерб, совершаемые совместно несколькими субъектами международного права или дестинаторами его норм, могут быть «разгруппированы» в зависимости от поведения каждого отдельного актора, соответствующие действия совершившего. В рамках рассмотрения вопроса о совместно совершённых противоправных деяниях может быть применен принцип самостоятельности международно-правовой ответственности. Указанный принцип вытекает и из статьи 47 Проекта статей КМП ООН об ответственности государств за международно-противоправные деяния, в соответствии с которой, если несколько государств несут ответственность за одно и то же международно-противоправное деяние, в связи с данным деянием к ответственности можно призвать каждое из этих государств. В комментарии к статье 47 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния прямо подчёркивается, что в международном праве существует общий принцип, которым следует руководствоваться в случае множественности ответственных государств, который состоит в том, что каждое государство самостоятельно несёт ответственность за поведение, вменённое ему по смыслу статьи 2 Проекта статей. Как указывают авторы Проекта статей об ответственности государств, в статье 47 Проекта статей об от-

³⁰ *Абашидзе А.Х.* Проблемы присвоения поведения при осуществлении операций по поддержанию мира // Международные отношения и право: взгляд в XII век. Материалы конференции в честь профессора Л.Н.Галенской / Под ред. С.В.Бахина. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, «Университетский издательский дом консорциум «Юридическая книга», 2009. С. 235.

³¹ *H. van der Wilt.* Joint Criminal Enterprise: Possibilities and Limitations // Journal of International Criminal Justice. Vol. 5. 2007. P.91.

³² *Hejzer M.* Issues of Shared Responsibility before the European Court of Human Rights' // Amsterdam Center for International Law. Research Paper. 2012. P.49.

ветственности государств изложен общий принцип, в соответствии с которым в случае множественности ответственных государств каждое отдельное государство самостоятельно несёт ответственность за вменяемое ему поведение и такая ответственность не может быть снижена или исключена в связи с тем, что какое-либо одно или несколько государств также несут ответственность за это же самое противоправное деяние. Как отмечается во вступительном комментарии к части первой рассматриваемого Проекта КМП ООН, «в основании статей в целом лежит принцип, согласно которому ответственность государств присуща соответствующему государству; он будет упоминаться как принцип самостоятельной ответственности». Принцип самостоятельной ответственности заложен в основу рассматриваемого Проекта статей в связи с тем, что у каждого государства имеется свой собственный комплекс международных обязательств и соотносящихся с ним обязанностей. В некоторых ситуациях противоправный характер поведения одного государства может находиться в зависимости от самостоятельных действий другого государства. Как отмечают авторы Проекта статей об ответственности государств, в большинстве случаев совместного поведения государств ответственность за противоправные деяния определяется в соответствии с принципом самостоятельности ответственности.

Зачастую международно-противоправное деяние может являться результатом сотрудничества нескольких государств, а не просто противоправным деянием одного отдельного государства, что может быть связано с независимым поведением ряда государств, каждое из которых играет свою собственную роль в осуществлении международно-противоправного деяния. Статья 47 Проекта статей КМП об ответственности государств, регулирующая вопросы множественности ответственных государств, касается таких случаев, когда одно и то же поведение может быть одновременно вменено ряду государств и может являться международно-противоправным для каждого из них. В связи с этим, как отмечают авторы Проекта статей об ответственности

государств в комментарии к статье 47, при указанных обстоятельствах, согласно общему международному праву, действует принцип независимости ответственности. Необходимо обратить внимание, что принцип независимости ответственности действует в отсутствие соглашения об ином между соответствующими сторонами.

Так, в деле *О Восточном Тиморе* МС ООН указал, что даже с учётом того, что Индонезия несёт основную ответственность, из которой как следствие вытекает ответственность Австралии, Австралия во избежание призвания её к ответственности не может ссылаться на тот факт, что она не несёт основной ответственности по данному делу»³³. Как указывают авторы концепции «разделяемой ответственности», конкретная роль Австралии в соответствии с заключённым ею международно-правовым актом является достаточным основанием для применения принципа независимости ответственности. Вместе с тем следует отметить мнение КМП ООН о том, что в случаях, когда два или несколько государств создают общий орган (примером может служить Временная коалиционная администрация, созданная совместно Великобританией и США в период оккупации Ирака), «создание общего органа не может рассматриваться иначе, как действие каждого отдельного государства, участвовавшего в создании такого органа; если действия по созданию такого органа являются нарушением международно-правового обязательства, то каждое из двух или более государств является совершившим отдельное, хотя и идентичное, международно-противоправное деяние»³⁴.

При рассмотрении спора в Международном Суде ООН разделение коллективно совершённых противоправных деяний или действий, не запрещённых международным правом, но повлёкших за собой ущерб, на отдельно совершённые каждым конкретным государством противоправные деяния или действия, не запрещённые международным правом, но повлёкшие за собой ущерб, может служить предпосылкой для участия в таком споре государства, интересы которого затронуты в данном деле.

³³ International Court of Justice. *East Timor (Portugal v. Australia)*. Judgment of 30 June 1995 // I.C.J. Reports 1995. P.90.

³⁴ Report of the International Law Commission on the work of its forty-eight session // Commentary to Art. 27. Para. 2 ('ASR, with commentaries', thereto adopted by the International Law Commission on first reading). UN Doc A/51/10, 1996.

Следует отметить, что участие такого государства в деле, рассматриваемом МС ООН, может быть ограничено принципом «монетарного золота»³⁵, в соответствии с которым Суд не может разрешить спор между сторонами по рассматриваемому делу, если предметом такого спора являются права и обязательства третьего государства, которое не является стороной по делу³⁶. Сторонники концепции «разделяемой ответственности» отмечают, что в деле *О монетарном золоте* МС ООН сформулировал исключение из принципа, в соответствии с которым отсутствие государства, одновременно или совместно с другими государствами несущего ответственность, не исключает юрисдикции Суда в отношении такого спора³⁷.

Кроме того, практика Европейского Суда по правам человека показывает, что в случаях, когда два или более государств независимо друг от друга или совместно принимали участие в совершении международно-противоправного деяния, ответственность между такими государствами может быть распределена согласно принципу самостоятельности ответственности³⁸.

При всей сложности согласования позиций государств в отношении призвания к ответственности каждого отдельного государства за коллективно совершённое международно-противоправное деяние вопрос о призвании каждого отдельного государства к такой ответственности решить непросто. С учётом факта существования процедурных ограничений урегулирования споров в рамках международных судебных учреждений концептуальные инструменты применения принципа самостоятельности ответственности государств за международно-противоправные деяния вынуждают суды ограничивать использование сложных схем взаимодействия со сторонами по рассматриваемому делу, сводя их к двустороннему характеру рассмот-

рения спора, что в определённой степени исключает возможность изучения на примере практики таких международных судебных учреждений сути концепции разделяемой ответственности.

Примечательным примером этого является вышеупомянутое решение ЕСПЧ по делу *Бехрами и Бехрами против Франции*³⁹. В данном деле Суд возложил ответственность за провал операции по разминированию Косово на ООН, а не на каждое отдельное государство — члена Организации, участвовавшего в операции, избежав при этом решения вопроса о распределении ответственности между этими государствами. В связи с этим возникает ряд проблем, одной из которых является вопрос, который правомерно поднимает г-н Броунли, а именно вопрос о том, «соответствуют ли подобного рода решения гарантиям установленных норм обществом, в основе которого лежит ответственность, выполняющая важнейшую функцию обеспечения восстановления законности»⁴⁰.

Отсутствие необходимых критериев при распределении ответственности между совершившими международно-противоправное деяние государствами может привести к неравномерному распределению бремени такой ответственности, ибо в ряде случаев невозможно с достаточной уверенностью определить, какое из государств, призываемых к ответственности, за какое правонарушение такую ответственность обязано нести. Одним из примеров поднятой выше проблемы является иск Саддама Хусейна, поданный им в Европейский Суд по правам человека против 21 государства, которые, по его (Хусейна) мнению, были причастны к вторжению в Ирак и его захвату. ЕСПЧ указал, что до тех пор, пока заявитель не сможет определить, какое из государств, причастных к вторжению в Ирак и/или его захвату, какое конкретно противоправное деяние совершили,

³⁵ International Court of Justice. Monetary Gold Removed from Rome in 1943 (*Italy v. France, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and United States of America*). Preliminary Question. Judgment // I.C.J. Reports 1954. P. 19.

³⁶ *Akande D.* The ICC and the Crime of Aggression: The Consent Problem and the Security Council Issue. Blog of the European Journal of International Law. 2010. URL: <http://www.ejiltalk.org/the-icc-and-the-crime-of-aggression-the-consent-problem-and-the-security-council-issue/> (дата обращения: 09.11.2012).

³⁷ *Nollkaemper A. and Jacobs D.* Op. cit. P.47.

³⁸ *Heijer M.* Op. cit. P.50.

³⁹ European Court of Human Rights. *Behrami v. France*. Decision (Grand Chamber) of 2 May 2007 on the admissibility of applications No. 71412/01.

⁴⁰ *Brownlie I.* The Rule of law in International Affairs // *Kluwer Law International*. 1998. P.79.

вопрос об ответственности решён быть не может⁴¹.

Более того, определение бремени ответственности за международно-противоправное деяние в результате действий нескольких субъектов международного права может привести к тому, что такие участники международных правоотношений будут «переключать» ответственность за совершённые противоправные действия друг на друга⁴². В делах, связанных с возможной причастностью к совершению действий и/или бездействий ООН и Нидерландов в отношении защиты лиц, находившихся в зонах безопасности в Сребренице в 1995 году, как ООН, так и Нидерланды отрицали свою ответственность по искам, поданным в ЕСПЧ, и пытались «переложить» её друг на друга⁴³.

Заключение

Отсутствие концептуальной основы распределения ответственности между несколькими субъектами противоправного деяния может привести к неправильному распределению бремени ответственности, в результате чего к ответственности может быть привлечено лишь одно какое-либо государство за противоправное деяние, совершённое действиями нескольких субъектов международного права. Так, в особом мнении по делу *О фосфатах Науру* судья МС ООН Роберто Аго указал, что в результате согласованных действий Австралии, Новой Зеландии и Великобритании, которыми Науру был причинён ущерб, крайне сомнительной являлась бы позиция, согласной которой всю ответственность за возмещение ущерба в полном объёме по данному делу должна взять на себя только Австралия⁴⁴.

С учётом вышеизложенного можно сделать вывод о том, что концепция «разделяемой ответственности» при изучении её на основе решений международных судебных учреждений сводится к тому, что распределение ответственности за совершённое между-

народно-противоправное деяние или вредные последствия действия, не запрещённого международным правом, между несколькими участниками международных отношений приводит к существованию следующей антинормы, общей для юридической ответственности вообще: объём ответственности каждого отдельного участника противоправных действий или правомерных действий, повлёкших за собой ущерб, прямо пропорционален количеству призываемых к ответственности за совершение одного конкретного деяния акторов.

Вместе с тем следует согласиться с мнением авторов Проекта статей КМП ООН об ответственности государств за международно-противоправные деяния, изложенных в комментарии к статье 47 Проекта, что концепции и нормы внутригосударственного права, касающиеся распределения ответственности, не могут напрямую использоваться в международном праве, а такие термины, как *“joint responsibility”*, *“joint and several responsibility”*, *solidary “responsibility”*, хотя они и используются в различных национальных правовых системах, следует применять с осторожностью при проведении аналогий.

Одним из характерных отличий международно-правовой ответственности от ответственности по внутригосударственному праву является тот факт, что правоотношения международной ответственности возникают исключительно между субъектами международного права. Таким образом, субъектами международно-правовой ответственности являются субъекты международного права. Индивиды субъектами международно-правовой ответственности не являются. Не обладая международной правосубъектностью, они несут ответственность на основе норм международного права, но не по международному праву и могут быть привлечены к ответственности за совершение международных преступлений в соответствии с нормами международного уголовного права. В связи с из-

⁴¹ European Court of Human Rights. *Hussein v. Albania, Bulgaria, Croatia, Czech Republic, Denmark, Estonia, Hungary, Iceland, Ireland, Italy, Latvia, Lithuania, the Netherlands, Poland, Portugal, Romania, Slovakia, Slovenia, Turkey, Ukraine and the United Kingdom (dec)*. Case No. 23276/04, 2006.

⁴² Hood C. *The Risk Game and the Blame Game*. Government and Opposition Vol. 1. 2002. P. 15.

⁴³ Nollkaemper A. *Multilevel Accountability in International Law: A Case Study of the Aftermath of Srebrenica // The Shifting Allocation of Authority in International Law: Considering Sovereignty, Supremacy, and Subsidiarity / Edited by Y. Shany and T. Broude*. Hart Publishing, 2008. P. 345.

⁴⁴ International Court of Justice. *Certain Phosphate Lands in Nauru (Nauru v. Australia)*. Judgment of 26 June 1992. Dissenting Opinion of Judge Ago // I.C.J. Reports 1992. P. 240.

ложенным субъекты международного права несут международно-правовую ответственность, в то время как индивиды — уголовно-правовую, в том числе и непосредственно на основе норм международного права. Индивид является субъектом международного уголовного права и несёт ответственность, в частности, за международные преступления.

Однако между преступлением индивида по международному праву и международно-противоправным деянием субъекта международного права существует определённая связь. Так, например, государство может быть призвано к международной ответственности за непредотвращение международного преступления, совершённого должностным лицом его органа. В решении Европейского Суда по правам человека по делу *Штрелетц, Кесслер и Кренц против Германии* от 22 марта 2001 года прямо указано: «Если бы Германская Демократическая Республика всё ещё существовала, она несла бы ответственность по международному праву за указанные деяния. Предстоит установить, что, помимо ответственности государства, заявители лично несли уголовную ответственность...»⁴⁵.

Не могут быть привлечены к международно-правовой ответственности и такие субъекты международных отношений, как Транснациональные корпорации. Не являясь субъектами международного права, ТНК своим поведением могут причинять ущерб межгосударственному регулированию отношений в самых различных сферах. При этом проблема ответственности ТНК зачастую сводится к вопросу ответственности государств, на территории которых корпорации в качестве юридических лиц зарегистрированы.

На наш взгляд, основная суть концепции разделяемой ответственности, сводящаяся к необходимости разработки концептуальных механизмов распределения ответственности между несколькими субъектами международных отношений, вне зависимости от их правовой природы и заинтересованности в том или ином вопросе, далеко не бесспорна.

Существующее право международной ответственности, как сложившийся институт современного международного права,

регулирует вопросы ответственности государств, международных организаций и других субъектов международного права за международно-противоправные деяния. При этом вне зависимости от относимости нарушенных международно-правовых обязательств к различным отраслям международного права, характер ответственности государств и международных организаций остаётся неизменным⁴⁶.

Проблема же определения ответственности за правомерные действия субъектов международного права, повлекшие за собой ущерб, в общем и целом сводится, в первую очередь, к возмещению вреда, и ряд современных исследователей ставит под сомнение возможность применения к данным правоотношениям термина «ответственность» и механизмов регулирования призывания к ответственности вообще. В современной доктрине международного права для обозначения ответственности за международно-противоправные деяния в англоязычной литературе используется термин *international responsibility*. В свою очередь, ответственность за вредные последствия действий, не запрещённых международным правом, обозначаются термином *international liability*. Как указала КМП ООН различия между двумя понятиями ответственности настолько существенны, что лишь в силу относительной бедности юридического языка для обозначения как первого, так и второго понятия используется обычно один и тот же термин. Так, по мнению С.В. Черниченко, объединение позитивной и негативной ответственности в некий гибрид представляет собой попытку разместить «под одной крышей» разнородные по существу явления, сходные лишь терминологически⁴⁷.

С учётом изложенного основной тезис авторов концепции «разделяемой ответственности» о необходимости разработки единого механизма распределения ответственности, как позитивной, так и негативной, между различными участниками международных отношений, вне зависимости от их правовой природы, на современном этапе развития права международной ответственности состоятельным не представляется.

⁴⁵ European Court of Human Rights (*Streletz, Kessler & Krenz v. Germany*). Applications Nos. 34044/96, 35532/97, 44801/98. § 104.

⁴⁶ См. например: Пунжин С.М. Международная ответственность. «Международное право»: учебник. 3-е изд. / Перераб. под ред. Б.Р. Тузмухамедова, В.И. Кузнецова. С. 282–283.

⁴⁷ Черниченко С.В. Теория международного права. М.: Изд-во НИИМП, 1999. С. 308.